

Астафьев.

«Печальный детектив»

В романе Астафьева "Печальный детектив" поднимаются проблемы преступления, наказания и торжества справедливости.

Тема романа - нынешняя интеллигенция и нынешний народ (80-ые гг. 20 века).

В произведении рассказывается о жизни двух небольших городков: Вейска и Хайловска, о людях, живущих в них, о современных нравах. Когда говорят о маленьких городах, в сознании возникает образ тихого, мирного места, где жизнь, наполненная радостями, течёт медленно, без особых чрезвычайных происшествий. В душе появляется чувство умиротворения. Но ошибается тот, кто так думает. На самом деле жизнь в Вейске и Хайловске течёт бурным потоком.

● Молодые люди, напившись до такой степени, когда человек превращается в животное, насилуют женщину, которая годится им в матери, а родители оставляют ребенка запертым в квартире на неделю. Все эти картины, описанные Астафьевым, приводят читателя в ужас. Становится страшно и жутко от мысли о том, что исчезают понятия честности, порядочности и любви. Описание этих случаев в виде сводок является, на мой взгляд, важной художественной особенностью.

Слыша каждый день о различных происшествиях, мы порой не обращаем внимания, а собранные в романе, они заставляют снять розовые очки и понять: если это произошло не с тобой, то не значит, что это тебя не касается.

В романе "Печальный детектив» Астафьев создал целую систему образов. Автор знакомит читателя с каждым героем произведения, рассказывая о его жизни. Главным героем является оперативный работник милиции

Леонид Сошнин. Он – сорокалетний мужчина, получивший несколько ранений при исполнении служебных обязанностей, - должен уйти на пенсию. Уйдя на заслуженный отдых, он начинает писать, пытаясь разобраться, откуда в человеке так много злости и жестокости. Где она у него копится? Отчего вместе с этой жестокостью существует в русских людях жалость к арестантам и равнодушие к самим себе, к соседу - инвалиду войны и труда?

Главному герою, честному и смелому оперативному работнику, Астафьев Противопоставляет милиционера Федора Лебеду, который потихонечку служит, переходя с одной должности на другую. На особо опасных выездах он старается жизнью не рисковать и предоставляет право обезвреживать вооруженных преступников своим напарникам, и не очень важно, что у напарника нет табельного оружия, потому что он недавний выпускник милицейского училища, а у Федора есть табельное оружие.

Ярким образом в романе является тетя Граня- женщина, которая, не имея своих детей, отдавала всю любовь детям, игравшим около ее дома на железнодорожной станции, а затем детям в Доме ребенка.

Часто герои произведения, которые должны вызывать отвращение, вызывают жалость. Урна, превратившаяся из женщины, занимавшейся самодеятельностью пьеницу без дома и семьи, вызывает сочувствие. Она орет песни и пристает к прохожим, но становится стыдно не за нее, а за общество, отвернувшееся от Урны. Сошнин говорит о том, что ей пытались помочь, но ничего не получилось, а теперь на нее просто не обращают внимания.

Сошнин хотел зайти на рынок, купить яблок, но возле ворот рынка с перекосившимися фанерными буквами на дуге «Добро пожаловать», корячилась и привязывалась к прохожим пьяная женщина по прозвищу Урна. За беззубый, черный и грязный рот получила прозвище, уже и не женщина, какое-то обособленное существо, со слепой, полубезумной тягой к пьянству и безобразиям. Была у нее семья, муж, дети, пела она в самодеятельности железнодорожного ДК под Мордасову – все пропала, все потеряла, сделалась позорной достопримечательностью города Вейска... Вела она себя в общественных местах срамно, стыдно, с наглым и мстительным ко всем вызовом. С Урной невозможно и нечем бороться, она, хоть и валялась на улице, спала по чердакам и на скамейках, не умирала и не замерзала.

Есть в городе Вейске свои Добчинский и Бобчинский. Астафьев даже не изменяет фамилии этим людям и дает характеристику им цитатой из "Ревизора" Гоголя, опровергая тем самым известное изречение о том, что ничто не вечно под луной. Все течет, все изменяется, а такие люди остаются, меняя одежду XIX века на модный костюм и рубашку с золотыми запонками XX века.

Есть в городе Вейске и свое литературное светило, которое, сидя в своем кабинете, "окутавшись сигаретным дымом, дергалось, елозило на стуле и сорило пеплом".

Это Сыроквасова Октябрина Перфильевна.

Именно этот человек, описание которого вызывает улыбку, двигает вперед и дальше местную литературу. Эта женщина решает, какие произведения печатать.

Тетя Граня работала стрелочницей на маневровой горке и прилегающих к ней путям. Стрелочная будка стояла почти на выносе со станции, на задах ее. Был тут построенный и давно покинутый туник с двумя деревянными тумбами, заросший бурьяном. Лежало под откосом несколько ржавых колесных пар, скелет двухосного вагона, кем-то и когда-то разгруженный штабель круглого леса, который тетя Граня никому растаскивать не давала и много лет, пока лес не подгнил, ждала потребителя, да, так и не дождавшись, стала ножовкой отпиливать от бревен короткие чурбаки, и ребята, стадом обретавшиеся возле стрелочного поста, на этих чурках сидели, катались, строили из них паровоз.

Никогда не имевшая своих детей, тетя Граня и не обладала учеными способностями детского воспитателя. Она детей просто любила, никого не выделяла, никого не била, не ругала, обращалась с ребятами, как со взрослыми, угадывала и укрощала их нравы и характеры, не прилагая к тому никаких талантов, тонкостей педагогического характера, на которых так долго настаивает нравоучительная современная печать.

Возле тети Грани просто росли мужики и бабы, набирались сил, железнодорожного опыта, смекалки, проходили трудовую закалку. Зауток со стрелочной будкой многим ребятам, в том числе и Лене Сошнину, был и детсадом, и площадкой для игр, и школой труда, кому и дом родной заменял. Здесь царил дух трудолюбия и братства. Будущие граждане Советской державы с самой большой протяженностью железных дорог, не способные еще к самой ответственной на транспорте движуческой работе, заколачивали костыли, стелили шпалы, свинчивали и развинчивали в тупике гайки, гребли горстями насыпь полотна. «Движенцы» махали флажком, дудели в дудку, помогали тете Гране перебрасывать стрелочный балансир, таскать и устанавливать на путях тормозные башмаки, вели учет железнодорожного инвентаря, мели возле будки землю, летами садили и поливали цветки-ноготки, красные маки и живучие маргаритки. Совсем малых, марающих пеленки и не способных еще к строгой железнодорожной дисциплине и труду, тетя Граня не принимала на работу, не было у нее в будке для них условий.

Однажды, это уж после возвращения из Хайловска, Сошнин дежурил с нарядом ЛОМа – линейной милиции – за железнодорожным мостом, где шло массовое гулянье по случаю Дня железнодорожника. Скошенные загородные луга, пожелтевшие ивняки, побагровелые черемухи да кустарники, уютно опушившие старицу Вейки, во дни гуляний, или, как их тут именовали – «питников» (надо понимать –пикников), загаживали, прибрежные кустарники, ближние деревья сжигали в кострах. Иногда, от возбуждения мысли, подпаливали стога сена и радовались большому пламени, разбрасывали банки, тряпки, набивали стекла, сорили бумагой, обертками фольги, полиэтилена – привычные картины культурно-массового разгула на «лоне природы».

Дежурство выдалось не очень хлопотное. Против других веселящихся отрядов, скажем, металлургов или шахтеров, железнодорожники, издавна знающие высокую себе цену, вели себя степенней.

Глядь-поглядь, от ближнего озера, из кустов идет женщина в драном ситцевом платье, косынку за угол по отаве тащит, волосья у нее сбиты, растрепаны, чулки упали на щиколотки, парусиновые туфли в грязи, да и сама женщина, чем-то очень и очень знакомая, вся в зеленовато-грязной тине.

– Тетя Граня! – бросился навстречу женщине Леонид. – Тетя Граня? Что с тобой?

Тетя Граня рухнула наземь, обхватила Леонида за сапоги:

– Ой, страм! Ой, страм! Ой, страм-то какой! ..

– Да что такое? Что? – уже догадываясь, в чем дело, но не желая этому верить, тряс тетю Граню Сошнин.

Тетя Граня села на отаву, огляделась, подобрала платье на груди, потянула чулок на колено и, глядя в сторону, уже без рева, с давним согласием на страдание, тускло произнесла:

– Да вот... снасиловали за что-то...

– Кто? Где? – оторопело, шепотом – сломался, куда-то делся голос, – переспрашивал Сошнин. – Кто? Где? – И закачался, застонал, сорвался, побежал к кустам, на бегу расстегивая кобуру. – Пере-стр-р-реля-а-а-аю-у-у!

Напарник по патрулю догнал Леонида, с трудом выдрал из его руки пистолет, который он никак не мог взвести срывающимися пальцами.

– Ты что? Ты что-о-о? !

Четверо молодцов спали накрест в размичканной грязи заросшей старицы, среди ломаных и растоптанных кустов смородины, на которых чернели недоосыпавшиеся в затени, спелые ягоды, так похожие на глаза тети Грани. Втоптаный в грязь, синел каемкой носовой платок тети Грани – она и тетя Лина еще с деревенской юности обвязывали платочки крючком, всегда одинаковой синенькой каемочкой.

Четверо молодых не могли потом вспомнить, где были, с кем пили, что делали? Все четверо плакали в голос на следствии, просили их простить, все четверо рыдали, когда судья железнодорожного района Бекетова – справедливая баба, особенно суровая к насильникам и грабителям, потому как под оккупацией в Белоруссии еще дитем насмотрелась и натерпелась от разгула иноземных насильников и грабителей, – ввалила всем четверым сладострастникам по восемь лет строгого режима.

После суда тетя Граня куда-то запропала, видно, и на улицу-то стыдилась выходить.

Леонид отыскал ее в больнице.

Живет в сторожке. Беленько тут, уютно, как в той незабвенной стрелочной будке. Посуда, чайничек, занавески, цветок «ванька мокрый» алел на окне, геранька догорала. Не пригласила тетя Граня Леонида пройти к столу, точнее, к большой тумбочке, сидела, поджав губы, глядя в пол, бледная, осунувшаяся, ладошки меж колен.

– Неладно мы с тобой, Леонид, сделали, – наконец подняла она свои, не к месту и не к разу так ярко светящиеся глаза, и он подобрался, замер в себе – полным именем она называла его только в минуты строгого и непрощающего отчуждения, а так-то он всю жизнь для нее – Леня.

– Чего неладно?

– Молодые жизни погубили... Такие срока им не выдержать. Выдержат – уж седыми мушшынами сделаются... А у их, у двоих-то, у Генки и у Васьки, – дети... Один-от у Генки уж после суда родился...

Вольно, куражливо, удобно живется преступнику среди такого добросердечного народа, и давно ему так в России живется.

Добрый молодец, двадцати двух лет от роду, откушав в молодежном кафе горячительного, пошел гулять по улице и заколол мимоходом трех человек. Сошнин патрулировал в тот день по Центральному району, попал на горячий след убийцы, погнался следом на дежурной машине, торопя шофера. Но молодец-мясник ни убегать, ни прятаться и не собирался – стоит себе у кинотеатра «Октябрь» и лижет мороженое – охлаждается после горячей работы.

В спортивной курточке канареечного или, скорее, попугайного цвета, красные полосы на груди. «Кровь! – догадался Сошнин. – Руки вытер о куртку, нож под замочек на груди спрятал». Граждане шарахались, обходили измазавшего себя человеческой кровью «артиста». Он с презрительной усмешкой на устах долижет мороженое, культурно отдохнет – стаканчик уже в наклон, деревянной лопаточкой заскребает сладость – и по выбору или без выбора – как душа велит – зарежет еще кого-нибудь.

Спиной к улице на пестром железном перильце сидели

два кореша и тоже питались мороженым. Сладкоежки о чем-то перевозбужденно переговаривались, хохотали, задирали прохожих, вязались к девчонкам, и по тому, как дрыгались куртки на спинах, катались бомбошки на спор тивных шапочках, угадывалось, как они беспечно настроены. Мяснику уже все нипочем, брать его надо сразу намертво, ударить так, чтоб, падая, он ушибся затылком о стену: если начнешь крутить среди толпы – он или дружки его всадят нож в спину. На ходу выскочив из машины, Сошнин перепрыгнул через перила, оглушил о стену «кенаря», шофер за воротники опрокинул двух весельчаков с перилец, придавил к сточной канаве. Тут и помощь подоспела – поволокла милиция бандитов куда надо. Граждане в ропот, сгрудились, сбились в кучу, милицию в кольцо взяли, кроют почему зря, не давая обижать «бедных мальчиков». «Что делают! Что делают, гады, а? ! " – тряся в просторном пиджаке выветренный до костей человек, в бессилии стуча инвалидной тростью по тротуару: «Н-ну, легавые! Н-ну, милиция! Эко она нас бережет! ..». «И это середь бела дня, середь народа! А попади к им туда-а...» «Такой мальчик! Кудрявый мальчик! А он его, зверюга, головой об стену...»

Сошнин много и жадно читал, без разбора и системы, в школе, затем дошел до того, чего в школах «не проходили», до «Экклезиаста» дошел и, – о, ужас! Если бы узнал замполит областного управления внутренних дел – научился читать по-немецки, добрался до Ницше и еще раз убедился, что, отрицая кого-либо и что-либо, тем более крупного философа, да еще и превосходного поэта, надо непременно его знать и только тогда отрицать или бороться с его идеологией и учением, не вслепую бороться, осязаемо, доказательно. А Ницше-то как раз, может, и грубо, но прямо в глаза лепил правду о природе человеческого зла. Ницше и Достоевский почти достали до гнилой утробы человекишки, до того места, где преет, зреет, набирается вони и отращивает клыки спрятавшийся под покровом тонкой человеческой кожи и модных одежд самый жуткий, сам себя пожирающий зверь. А на Руси Великой зверь в человеческом облике бывает не просто зверем, но звериной, и рождается он чаще всего покорностью, безответственностью, безалаберностью, желанием избранных, точнее, самих себя зачисливших в избранные, жить лучше, сытей ближних своих, выделиться среди них, выщелкнуться, но чаще всего – жить, будто вниз по речке плыть.

Месяц назад, в ноябрьскую уж мокропогодь, привезли на кладбище покойника. Дома, как водится, детки и родичи поплакали об усопшем, выпили крепко – от жалости, на кладбище добавили: сыро, холодно, горько.

Пять порожних бутылок было потом обнаружено в могиле. И две полные, с бормотухой, – новая ныне, куражливая мода среди высоко оплачиваемых трудяг появилась: с форсом, богатынко не только свободное время проводить, но и хоронить – над могилой жечь денежки, желательно пачку, швырять вослед уходящему бутылку с вином – авось похмелиться горемыке на том свете захочется.

Бутылок-то скорбящие детки набросали в яму, но вот родителя опустить в земельку забыли. Крышку от гроба спустили, зарыли, забросали скорбную щель в земле, бугорок над нею оформили, кто-то из деток даже повалялся на грязном холмике, поголосил. Навалили пихтовые и жестяные венки, поставили временную пирамидку и поспешили на поминки.

Несколько дней, сколько – никто не помнил, лежал сирота-покойник в бумажных цветочках, в новом костюме, в святом венце на лбу, с зажатым в синих пальцах новеньким платочком. Измыло бедолагу дождем, полную домовину воды нахлестало. Уж когда вороны, рассевшись на деревья вокруг домовины, начали целиться – с какого места начинать сироту, крича при этом «караул», кладбищенский сторож опытным нюхом и слухом уловил неладное.

Это вот что? Все тот же, в умиление всех ввергающий, пространственный русский характер? Или недоразумение, излом природы, нездоровое, негативное явление? Отчего тогда молчали об этом? Почему не от своих учителей, а у Ницше, Достоевского и прочих, давно опочивших товарищей, да и то почти тайком, надо узнавать о природе зла? В школе цветочки по лепесточкам разбирали, пестики, тычинки, кто чего и как опыляет, постигали, на экскурсиях бабочек истребляли, черемухи ломали и нюхали, девушкам песни пели, стихи читали. А он, мошенник, вор, бандит, насильник, садист, где-то вблизи, в чьем-то животе или в каком другом темном месте затаившись, сидел, терпеливо ждал своего часа, явившись на свет, пососал мамкиного теплого молока, поопрастывался в пеленки, походил в детсад, окончил школу, институт, университет ли, стал ученым, инженером, строителем, рабочим. Но все это в нем было не главное, поверху все. Под нейлоновой рубашой и цветными трусиками, под аттестатом зрелости, под бумагами, документами, родительскими и педагогическими наставлениями, под нормами морали ждало и готовилось к действию зло.

И однажды отворилась вьюшка в душной трубе, вылетел из черной сажки на метле веселой бабой-ягой или юрким бесом диавол в человеческом облике и принялся горами ворочать. Имай его теперь милиция, беса-то, – созрел он для преступлений и борьбы с добрыми людьми, вяжи, отымай у него водку, нож и волю вольную, а он уж по небу на метле мчится, чего хочет, то и вытворяет. Ты, если даже в милиции служишь, весь правилами и параграфами опутан, на пуговицы застегнут, стянут, ограничен в действиях. Руку к козырьку: «Прошу вас! Ваши документы». Он на тебя поток блевотины или нож из-за пазухи – для него ни норм, ни морали: он сам себе подарил свободу действий, сам себе мораль состроил и даже про себя хвастливо-слезливые песни сочинил: «О-пять по пя-а-а-атни-цам па-айдут свида-а-ания, тюрь-ма Таганская – р-ря-адимай до-о-о-ом...»

...Молодой парень, недавно кончивший ПТУ, пьяный полез в женское общежитие льнокомбината, бывшие там в гостях кавалеры-«химики» не пускали молокососа. Завязалась драка. Парню набили морду и отправили домой, баиньки. Он же решил за это убить первого встречного. Первым встречным оказалась молодая женщина-красавица, на шестом месяце беременности, с успехом заканчивающая университет в Москве и на каникулы приехавшая в Вейск, к мужу. Пэтэушник бросил ее под насыпь железной дороги, долго, упорно разбивал ей голову камнем. Еще когда он бросил женщину под насыпь и прыгнул следом, она поняла, что он ее убьет, просила: «Не убивайте меня! Я еще молода, и у меня скоро будет ребенок...» Это только разъярило убийцу.

Из тюрьмы молодчик послал одну-единственную весть – письмо в областную прокуратуру – с жалобой на плохое питание. На суде в последнем слове бубнил: «Я все равно кого-нибудь убил бы. Что ли я виноват, что попалась такая хорошая женщина? ...»

...Мама и папа – книголюбы, не деточки, не молодяжки, обоим за тридцать, заимели трех детей, плохо их кормили, плохо за ними следили, и вдруг четвертый появился. Очень они пылко любили друг друга, им и трое-то детей мешали, четвертый же и вовсе ни к чему. И стали они оставлять ребенка одного, а мальчик народился живучий, кричит дни и ноченьки, потом и кричать перестал, только пищал и клекал. Соседка по бараку не выдержала, решила покормить ребенка кашей, залезла в окно, но кормить уже было некого – ребенка доедали черви. Родители ребенка не где-нибудь, не на темном чердаке, в читальном зале областной библиотеки имени Ф. М. Достоевского скрывались, имени того самого величайшего гуманиста, который провозгласил, да что провозгласил, прокричал неистовым словом на весь мир, что не приемлет никакой революции, если в ней пострадает хоть один ребенок...

...Еще. Папа с мамой поругались, подрались, мама убежала от папы, папа ушел из дома и загулял. И гуляй бы он, захлебнись вином, проклятый, да забыли родители дома ребенка, которому не было и трех лет. Когда через неделю взломали дверь, то застали ребенка, приевшего даже грязь из щелей пола, научившегося ловить тараканов – он питался ими. В Доме ребенка мальчика выходили – победили дистрофию, рахит, умственную отсталость, но до сих пор не могут отучить ребенка от хватательных движений – он все еще кого-то ловит...

Одна мамуля совсем уж хитро решила избавиться от сосунка – засунула его в автоматическую камеру хранения на железнодорожном вокзале. Растерялись вейские ломовцы, – хорошо, что всегда и всюду у нас найдется куча специалистов по замкам, и один матерый домушник, живший по соседству с вокзалом, Быстро открыл сундучок камеры, выхватил оттуда сверток с розовым бантиком, поднял его перед негодующей толпой. «Девочка! Крошка-дитя! Жись посвящаю! Жись! Ей! – возвестил домушник. – Потому как... А-а, с-су-ки! Крошку- дитя! ..» Дальше говорить этот многожды судимый, ловимый, садимый страдалец не смог. Его душили рыдания. И самое занятное – он действительно посвятил жизнь этой самой девочке, обучился мебельному делу, трудился в фирме «Прогресс», где и отыскал себе сердобольную жену, и так они оба трясутся над девочкой, так ее лелеют и украшают, так ли ей и себе радуются, что хоть тоже в газету о них пиши заметку под названием «Благородный поступок».

**Не самец и самка, по велению природы
совокупляющиеся, чтобы продлиться в природе, а
человек с человеком, соединенные для того, чтоб
помочь друг другу и обществу, в котором они
живут, усовершенствоваться, из сердца в сердце
перелить кровь свою и вместе с кровью все, что в
них есть хорошее.**

**От родителей-то они были переданы друг дружке
всяк со своей жизнью, привычками и характерами
– и вот из разнородного сырья нужно создать
строительный материал, слепить ячейку во
многовековом здании под названием Семья, как
бы вновь народиться на свет и, вместе дойдя до
могилы, оторвать себя друг от дружки с
неповторимым, никому не ведомым страданием и
болью.**

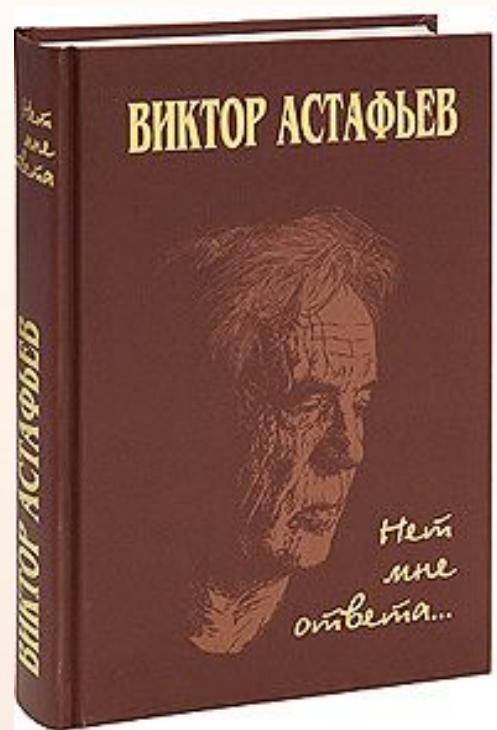
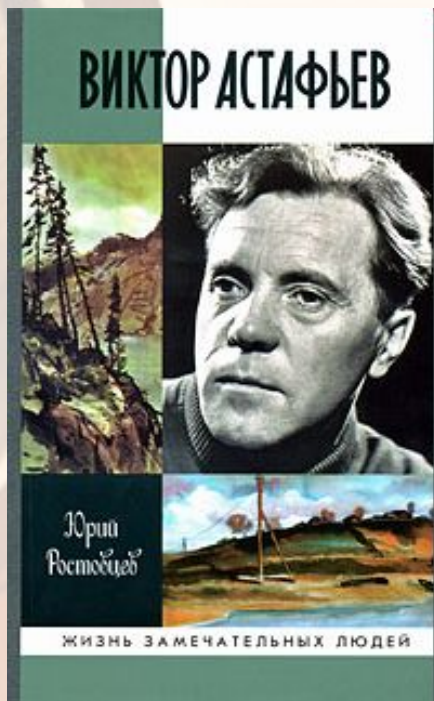
Экая великая загадка! На постижение ее убуханы тысячелетия, но, так же как и смерть, загадка семьи не понята, не разрешена. Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья, если он и она блудили, не находя друг друга. Династии, общества, империи, не создавшие семьи или порушившие ее устои, начинали хвалиться достигнутым прогрессом, бряцать оружием; в династиях, империях, в обществах вместе с развалом семьи разваливалось согласие, зло начинало одолевать добро, земля разверзалась под ногами, чтобы поглотить сброд, уже безо всяких на то оснований именующий себя людьми.

Но в современном торопливом мире муж хочет получить жену в готовом виде, жена опять же хорошего, лучше бы – очень хорошего, идеального мужа. Современные остряки, сделавшие предметом осмеяния самое святое на земле – семейные узы, измерзавившие древнюю мудрость зубоскаль-ством о плохой женщине, растворенной во всех хороших женах, надо полагать, ведают, что и хороший муж распространен во всех плохих мужчинах. Плохого мужика и плохую женщину зашить бы в мешок и утопить. Просто! Вот как бы до нее, до простоты той, доскрестись на утлом семейном корабле, шибко рассохшемся, побитом житейскими бурями, потерявшем надежную плавучесть.

«Муж и жена – одна сатана» – вот и вся мудрость, которую ведал Леонид об этом сложном предмете.

**Но не все так плохо,
ведь если есть зло, то существует и добро.
Леонид Сошнин мирится с женой, и она
снова к нему возвращается вместе с дочерью.
Немного грустно оттого, что помириться
их заставляет смерть соседки Сошнина,
бабушки Тутышихи. Именно горе сближает
Леонида с Лерой. Чистый лист бумаги перед
Сошниным, который пишет обычно ночью,
является символом начала нового этапа жизни
семьи главного героя. И хочется верить, что
дальнейшая их жизнь будет счастливой и
радостной, а с горем они справятся, потому что
будут вместе.**

Роман "Печальный детектив" - захватывающее произведение. Хотя читать его трудно, потому что слишком страшные картины описывает Астафьев. Но такие произведения нужно читать, потому что они заставляют задуматься над смыслом жизни, чтобы не прошла она бесцветно и пусто.

**Н
Р
А
В
С
Т
В
Е
Н
Н
О
С
Т
Ь**

Человек и природа

**Долг, ответственность,
совесть**

Сохранение личности

Человек-человек

В покаяние-освобождение